

Н. С. ЛЕСКОВ
и традиция русского романа
в мировом контексте

Editor Ivo Pospíšil

Ústav slavistiky FF MU
Brno 2020

Recenzovali:
Prof. Natália Muránska, PhD.
Prof. dr. hab. Roman Mnich

KATALOGIZACE V KNIZE – NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR

N. S. Leskov i tradicija ruskogo romana v mirovom kontekste (kolokvium)
(2019: Brno, Česko)

N. S. Leskov i tradicija ruskogo romana v mirovom kontekste / editor Ivo
Pospíšil. – 1. vydání. – Brno: Ústav slavistiky FF MU, 2020. – 196 stran

Částečně slovenský text, anglická, ruská a slovenské resumé

„Vydal Jan Sojnek – Galium“ – Tiráž – Sborník příspěvků ze stejnojmenného
kolokvia vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU ve spolupráci s Českou
asociací slavistů a Slavistickou společností Franka Wollmana. – Obsahuje
bibliografie a bibliografické odkazy

ISBN 978-80-88296-11-9 (Jan Sojneků– Galium; brožováno)

* 821.161.1-31 * 82.09 * 82.07 * (048.8:082)

– Leskov, Nikolaj Semenovič, 1831–1895

– 19. století

– ruský román – 19. století

– literárněvědné rozbory

– interpretace a přijetí literárního díla

– kolektivní monografie

821.161.1.09 - Ruská literatura (o ní) [11]

Vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU
ve spolupráci s Českou asociací slavistů
a Slavistickou společností Franka Wollmana.

Vychází s finančním přispěním grantu MU
Podpora mezinárodních doktorských škol.
Jazyková korektura Mgr. Taťjana Zaňko.

© Ústav slavistiky FF MU, 2020

ISBN 978-80-88296-11-9

Obsah

Лесков и роман. Несколько слов вместо предисловия (*Иво Поспишил*) . . . 5

Ольга Червинская, Роман Дзык

Топографический портрет Киева: жанровая специфика текста

Н. Лескова «*Печерские антики*» 11

Надежда Юрьевна Данилова

Литературные источники хроники Н. С. Лескова «*Захудалый род*» 29

Роман Дзык

Украинская лексика в «*Печерских антиках*» Николая Лескова 39

Татьяна Владимировна Юрьева

«Для нас, духовных, нет защитников»: отражение взаимоотношений
духовенства и светской власти в пореформенной России

в романе-хронике Н. С. Лескова «*Соборяне*» 67

Галина Косых

Романы Н. С. Лескова в рецепции литературной критики 75

Наталья Лукьянчикова

Художественная репрезентация образа нигилистки

в романе-хронике Н. С. Лескова «*Соборяне*» 93

Pavol Markovič

Leskovova „črta“ *Lady Macbeth* ako príklad kultúrneho a žánrového presahu 101

Татьяна Юрьевна Мельник

Культурные смыслы литературного текста (*Запечатленный ангел*

Николая Лескова) 109

Наталья Никоряк

Леди Макбет Мценского уезда: интермедиаальный диалог
Р. Балаяна с Н. Лесковым 125

Ленка Паучова

Жанровая специфика дневника Туберозова в структуре романа-хроники *Соборяне* 141

Иво Поспишил

Лесков и теория романа 149

Светлана Родонова

Лексика со значениями «сватовство» и «супружество» в *Жемчужном ожерелье* Н. С. Лескова 159

Алла Шелаева

О западноевропейских корнях русского романа: Проблемы «второго пола» в романе Н. С. Лескова «*Чертовы куклы*» и рецепты их решения 165

Ирина Шустина

Эпитеты как средство создания портретной характеристики главной героини повести Н. С. Лескова *Леди Макбет Мценского уезда* 175

Леонид Выскочков

Крымская война в произведениях Н. С. Лескова 185

Ольга Червинская, Роман Дзык (Черновцы)

Топографический портрет Киева: жанровая специфика текста Н. Лескова «Печерские антики»

Абстракт

Практически не исследован в жанрологическом ключе текст Н. Лескова «Печерские антики» (1882), чему посвящена данная работа. Помимо высказанных самим автором соображений о своем замысле (письмо Ф. Терновскому от 20.08.1882), анализируется ряд выводов известных исследователей о жанровой специфике лесковского творчества. Выдвинутая нами концепция интерпретирует этот текст как весьма специфическую жанровую форму лирического романа, скрепленную единым киевским хронотопом (открытие Цепного моста в XIX в.) в системную центристремительную совокупность разнообразных и пестрых образов, а не стихийную произвольность повествуемых историй отдельных «антиков».

Ключевые слова: Н. Лесков, «Печерские антики», хронотоп, киевский текст, жанр, жанровый метаморфизм, лирический роман

Abstract

Topographic Portrait of Kiev: Genre Peculiarities of N. Leskov's Text "Pechersky Antics"

The article under discussion is dedicated to the text by N. Leskov "Pechersky Antics" (1882), which has been very superficially studied by today's literary critics. Apart from a few phrases regarding the idea of this work by N. Leskov himself (the letter to F. Ternovsky of 20.08.1882), the article analyzes some conclusions of well-known researchers concerning the genre peculiarities of N. Leskov's creative activities. The concept, suggested by the author of the article, interprets the text as a quite specific genre form of a literary novel, which is fastened together into a systemic centripetal combination of diverse and colorful images, rather than the spontaneous arbitrariness of the narrated stories of individual "antics", due to a single Kyiv chronotope (the opening of Tsepnoy Bridge).

Key words: N. Lekov, "Pechersky Antics", chronotope, Kyiv text, genre, genre metamorphicality, lyrical novel

«Печерские антики» Н. Лескова, хотя и были неоднократно упоминаемы рядом исследователей, тем не менее согласиться со всеми высказанными утверждениями не так просто в силу некоторой противоречивости концептуальных позиций и выводов, в частности, в аспекте жанра. Над вопросом о специфике жанров неоднократно задумывался и сам Лесков, в его переписке мы находим множество высказываний по этому поводу, где жанр интерпретируется как органический, субъективный результат авторского замысла, предполагающий сопротивление «тенденции». Об этом читаем в петербургском письме писателя Федору Буслаеву от 1 июня 1877 г. (его цитируют по тому или иному поводу многие исследователи): *«Вопрос об „утилитарном“ значении романа и вообще художественных произведений, мне кажется, до сих пор не выяснен и не выяснен именно потому, что он недавно неудачно поставлен и с тех пор, при каждой новой разработке, всегда роковым образом попадает под тот же угол зрения. Я думаю, что роман (то есть собственно один роман, — одна эта повествовательная форма) должен иметь то значение, какое Вы ему намечаете, и это, может быть, должно составлять характерную черту отличия романа от новеллы, повести, очерка и рассказа. В этом давно надо было бы произвести обстоятельный разбор, так как в наше время — критического бессмыслия в понятиях самих писателей о форме их произведений, воцарился невообразимый хаос. „Хочу, назову романом, хочу, назову повестью — так и будет“»*¹.

Лесков считал важным не столько для литературных аналитиков, сколько для самих авторов понимать возможности жанра как такового, «насилие» жанровой матрицы, и, соответственно, стремиться преодолеть тиранию устоявшейся формы: *«Писатель, который понял бы настоящим образом разницу романа от повести, очерка или рассказа, понял бы также, что в сих трех последних формах он может быть только рисовальщиком, с известным запасом вкуса, умения и знаний; а, затевая ткань романа, он должен быть еще и мыслитель, должен показать живые создания своей фантазии в отношении их к данному времени, среде и состоянию науки, искусства и весьма часто политики»*².

Размышляя особо о жанре романа в том же письме, Лесков акцентировал важность «преодоления тенденции», обнаружение новых смыслов формы: *«Роману нет нужды насильственно придавать служебного значения, но оно должно быть в нем как органическое качество его сущности. Если же нет этого в романе, то значит он не берет всего того, что должен взять роман,*

¹ ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958, т. 10, с. 450.

² Ibidem.

и не имеет основания называться романом. Тут, конечно, есть исключения, которые сами собою очевидны (например, романы чисто любовные, каковых, впрочем, теперь немного и скоро будет еще менее)³.

Размышляя о «манере постройки романа», Лесков упоминает о своей дискуссии с И. С. Аксаковым, который упрекал его за так называемую «мемуарность», тогда как сам писатель настаивал на другом: «По правде же говоря, форма эта мне кажется очень удобною: она живет, или, лучше сказать, истовее рисовки сценами, в группировке которых и у таких больших мастеров, как Вальтер Скотт, бывает видна натяжка, или то, что люди простые называют: „случается точно, как в романе“. Но, мне кажется, не только общего правила, но и преимущества одной манеры перед другою указать невозможно, так как тут многое зависит от субъективности автора. [...] Вопрос этот очень интересен, но я боюсь, не пришлось бы его в конце концов свести к старому решению, что „наилучшая форма для каждого писателя та, с какою он лучше управляется“⁴.

В понимании Н. Лескова жанр, таким образом, является не столь четкой парадигмой, сколь суммой определенных позиций: субъективность, квазимемуарность, сопротивление стандарту, новаторство должно присутствовать в каждом новом произведении.

В свое время Д. Лихачев, подробно исследовав авторские жанровые подзаголовки большинства произведений Лескова в аспекте особенностей авторской поэтики, обращал особое внимание на «поиски Лесковым в области литературных форм», акцентируя следующее: «Он все время ищет, пробует свои силы в новых жанрах и их оригинальных сюжетно-тематических разработках; он берет образцы поэтических форм из деловой письменности, из литературы журнальной, газетной, из научной литературы. Очень многие из произведений Лескова имеют под своими названиями жанровые, сюжетно-тематические и прочие определения, которые он им дает, как бы предупреждая читателя о необычности их форм для „большой литературы“⁵. По этому поводу он замечает, что «Лесков как бы избегает обычных для литературы форм»⁶. Наконец, Лихачев делает вывод о том, что «жанровые определения играют в произведениях Лескова особую роль: своего рода предупреждений читателю не принимать их как выражение авторского отношения к описываемому»⁷.

³ Ibidem, с. 451.

⁴ Ibidem, с. 452.

⁵ ЛИХАЧЕВ, Д.: Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова. In: Лесков и русская литература. Москва: Наука, 1988, с. 13.

⁶ Ibidem, с. 14.

⁷ Ibidem.

Итак, по авторскому определению, «Печерские антики» именуются «Отрывками из юношеских воспоминаний». Однако такое достаточно условное определение соответствует выработыванию замысла, что становится понятным из переписки автора с Ф. Терновским и Ф. Лебединцевым: «маленький (около листа), но цельно задуманный очерк, — веселый и с историческим касательством к Киеву»; «это тип, и жанр, и нечто, что, может быть, прочтут и улыбнутся»; «нечто вроде моих воспоминаний о киевских оригиналах 50-х годов»; «небезынтересная статья»; «это будет не история, а побасенки»; «веселая штучка, кое-что, „пель-мель с горошком“»; «исторический фэльетон»⁸.

Интересно, что Лесков в добавление к названию почти всегда считал необходимым обозначить и жанр произведения, обращаясь по этому поводу в письме к Терновскому (12 ноября 82 г. Спб.): «Ко мне частенько братия толкается за заглавиями и, смеясь, просят наречь имя младенцу. Я люблю заглавие, чтобы оно было живо и в самом себе рекомендовало содержание живой повести»⁹.

Авторские жанровые определения лесковских текстов не мешали исследователям искать собственные определения. Однако следует обратить внимание на то, что книги, включая и диссертации, о творчестве Лескова с разделами о жанре или рассуждения о жанровой природе отдельных произведений (к примеру — М. Горячкина (1963)¹⁰, Ж.-К. Маркадэ (1987 / рус. 2006)¹¹, Ф. Листван (1988)¹², Б. Леонова (2003)¹³, Н. Авдеева (2004)¹⁴, П. Жирунов (2004)¹⁵, Л. Савелова (2005)¹⁶, И. Поздина (2011)¹⁷ игнорируют

⁸ О замысле и истории подготовки произведения см. в примечаниях Б. Бухштаба: БУХШТАБ, Б.: *Комментарии: Н. С. Лесков. Печерские антики*. In: Лесков, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957, т. 7, с. 522–523.

⁹ ЖИТЕЦЬКИЙ, І.: *Листування М. С. Лескова з професором П. О. Терновським*. In: *Україна*. 1927, кн. 1–2, с. 189.

¹⁰ ГОРЯЧКИНА, М.: *Сатира Лескова*. Москва: Изд-во АН СССР, 1963.

¹¹ МАРКАДЭ, Ж.-К.: *Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники*. Перевод с французского А. Поповой, Е. Березиной, Л. Ефимова, М. Сальман. Санкт-Петербург: Академический проект, 2006.

¹² LISTWAN, F.: *Sztuka pisarska Mikołaja Leskowa*. Kraków: Wydawnictwo naukowe WSP, 1988.

¹³ ЛЕОНОВА, Б.: *Жанр мемуарного очерка в творчестве Н. С. Лескова 1880-х годов*. Диссертация кандидата наук. Орел, 2003.

¹⁴ АВДЕЕВА, Н.: *Поэтика «малых» жанровых форм в творчестве Н. С. Лескова*. Диссертация кандидата наук. Воронеж, 2004.

¹⁵ ЖИРУНОВ, П.: *Жанр рассказа в творчестве Н. С. Лескова 80–90-х годов XIX века*. Диссертация кандидата наук. Волгоград, 2004.

¹⁶ САВЕЛОВА, Л.: *Специфика жанровой структуры повестей Н. С. Лескова 1860–1890-х годов*. Диссертация кандидата наук. Ставрополь, 2005.

¹⁷ ПОЗДИНА, И.: *Жанровая специфика прозы Н. С. Лескова 1860-х годов*. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2011.

именно «Печерских антиков», либо говорят о них бегло, за исключением, возможно, одного Ф. Листвана «Писательское мастерство Николая Лескова / *Sztuka pisarska Mikołaja Leskowa*» (1988), который, изучая ряд лесковских произведений, справедливо обобщал: «Вопрос о типологии прозаических жанров Лескова еще не решен»¹⁸.

Вопрос остается актуальным в силу того, что обозначение текстов Лескова в рамках классических жанровых определений представляется невозможным в принципе. Так полагал и сам автор: «Нельзя от картин требовать того, что Вы требуете. Это жанр, а жанр надо брать на одну мерку: искусен он или нет? Какие же тут проводить направления?»¹⁹.

Весьма показательным, что А. Белецкий одним из первых приступил к исследованию творчества Лескова (1923, частично опублик. в 1966), столкнувшись с трудностью задач: «Первой задачей было бы их классифицировать по внешним или внутренним признакам. Автор пробовал делать это и сам, но, — по замечанию Белецкого, — его классификация осталась не выдержанной и не проведенной до конца. Тем не менее необходимо принять ее во внимание»²⁰. Ученый сразу же поставил под сомнение попытку каких-либо четких и объективных классификаций наследия писателя, предлагая, для начала, принять во внимание темы и позицию самого автора, подчеркнув, что «группировка рассказов у автора [...] довольно прихотлива и выходит то от общего замысла, то от типа изложений, то от свойства сюжета» и что «для начальной ориентировки в обширном и пестром мире его рассказов придется искать путеводную нить самостоятельно»²¹.

Жанровые «колебания» автора Л. Гроссман некогда подводил под общий знаменатель новаторства, утверждая, что у Лескова в каждом жанре может присутствовать целый комплекс жанровых подвидов: «Как каждый крупный художник, Лесков вырабатывал свою творческую форму, искал новые жанры, отходил от общепризнанных канонов, создавал самобытные виды повествования. Чрезвычайной широтой отличался его жанровый диапазон, предопределивший и богатство его повествовательных видов. Такими органически близкими повествовательному дару Лескова формами были мемуары, биография, хроника и анекдот»²².

¹⁸ LISTWAN, F.: *Sztuka pisarska Mikołaja Leskowa*, s. 27.

¹⁹ ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т. Т. 10, с. 360.

²⁰ БЕЛЕЦКИЙ, А.: *Рассказы и очерки Н. С. Лескова*. In: Билецкий, О.: *Зібрання праць*. У 5 т. Т. 4: Російська література та російсько-українські літературні зв'язки. Київ: Наукова думка, 1966, с. 376.

²¹ Ibidem, с. 377.

²² ГРОССМАН, Л.: *Николай Семенович Лесков*. Москва: Знание, 1956, с. 30.

В свою очередь Б. Эйхенбаум подчеркивал условную примитивность жанровых форм писателя, не случайно включая в свои размышления пример «Печерских антиков»: «Некоторые его вещи (как хотя бы „Печерские антики“) представляют собой, в сущности, собрание анекдотов, цепляющихся друг за друга»²³. В анализе Эйхенбаума акцентируется следующее: «Он вовсе не „эстет“; наоборот — он [...] эстрадник, рассказчик, говорун. Поэтому он гораздо охотнее и легче, чем другие, идет к жанрам примитивным, иногда почти доходя до лубка»²⁴. Отмечая, что «промежуточные жанры очерка, фельетона, „рапсодии“ (как он называл некоторые вещи), „рассказа кстати“ для него не менее характерны, чем хроника или сказ»²⁵, исследователь утверждал, что это «нечто вроде старинных авантюрных романов, еще не имеющих сквозной фабулы»²⁶. Характерно, что в дискурс здесь включается и парадигма «роман».

Впрочем, как показывает Б. Эйхенбаум, размышления об этом, вложенные в уста различных героев, буквально звучат в лесковских текстах («Детские годы»): «... истории, подобные моей, по частям встречаются во множестве современных романов — и я, может быть, в значении интереса новизны, не расскажу ничего такого нового, чего бы не знал или даже не видал читатель, но я буду рассказывать все это не так, как рассказывается в романах, — и это, мне кажется, может составить некоторый интерес и даже, пожалуй, новость, и даже назидание. Я не стану усекать одних и раздувать значение других событий: меня к этому не вынуждает искусственная и неестественная форма романа, требующая закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает. Жизнь человека идет как развивающаяся со скалки хартия, и я ее так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках»²⁷.

В другой своей работе Б. Эйхенбаум вплотную подходит к определению жанровых доминант у Лескова, говоря об интересе писателя «к ритмической прозе, к сказу, к иконописи и лубку, к народному эпосу, к бесконечно развертывающейся фабуле, к анекдоту и к фантастике»²⁸. Как адепт формального метода, Эйхенбаум не оставляет в стороне вопрос о признаках жанра: «Любой

²³ ЭЙХЕНБАУМ, Б.: «Чрезмерный» писатель: (К 100-летию рождения Н. Лескова). In: Эйхенбаум, Б.: О прозе. Ленинград: Худож. лит., 1969, с. 339.

²⁴ Ibidem, с. 338.

²⁵ Ibidem, с. 344.

²⁶ Ibidem, с. 339.

²⁷ ЭЙХЕНБАУМ, Б.: Лесков и современная проза. In: Эйхенбаум, Б.: О литературе. Москва: Советский писатель, 1987, с. 415.

²⁸ ЭЙХЕНБАУМ, Б.: Н. С. Лесков (К 50-летию со дня смерти). In: Эйхенбаум, Б.: О прозе. Ленинград: Худож. лит., 1969, с. 349. Заметим, что не ускользнуло это и от внимания упомянутого нами выше А. Белецкого, заметившего: «А в основе сюжета рассказов Лескова и лежат по большей части именно такие не совсем обычные, порою прямо анекдотические случаи. Критика,

элемент материала может выдвинуться как формообразующая доминанта и тем самым — как сюжетная или конструктивная основа. Фабула — только частный случай конструкции»²⁹.

В литературоведении советской эпохи разговор фактически сводился к тому, что «жанровые формы произведений Лескова пестры и многообразны, как многообразна и пестра та социальная среда, которую он изображал» — в частности, так подается концепция М. Горячкиной (1963)³⁰. Исследовательница обозначала следующее: «Писатель ставил перед собой цель создать новый жанр», считая, «что в 70–90-е годы традиционный жанр романа утратил свое значение». Отмечая в духе времени нечеткость «миросозерцания и особенность творческой манеры Лескова — бытовизм и фактографичность, неумение показать жизнь, характеры людей в развитии, на фоне общественной борьбы эпохи», тем не менее подчеркивалось, что «Лескова явно стесняли устоявшиеся жанровые формы». В советском литературоведении говорилось и об экспериментальности, и жанровой многовариантности. Что позже обобщил Д. Лихачев, говоривший о наследии Лескова как «удивительно пестром по жанрово-тематическому составу»³¹.

Вывод о том, что художественные открытия Лескова не в последнюю очередь «таятся и в жанровых возможностях»³², фактически является общим местом. В. Семенов связывает «многообразие жанров и их обозначений» с особым стилем, аппелирующим в первую очередь к читателю: «... это был как бы бесконечный „дневник писателя“, пример которого дал Ф. Достоевский, т. е. путь непосредственного обращения к читателю»³³. Некоторые исследователи необыкновенное многообразие жанровых форм связывали и с гоголевской традицией (И. Столярова)³⁴.

Видя в текстах Лескова «особые повествовательные жанры», В. Троицкий подчеркивает, вслед за Гроссманом, их «новый повествовательный сплав»³⁵, в котором он видит «реалистическую имитацию мемуарного стиля»³⁶ (у исследователя речь идет о «Соборях»). Троицкий, по сути, выделяет

относившаяся к писателю отрицательно, говорила, что Лесков — „писатель-анекдотист“» (БЕЛЕЦКИЙ, А.: Рассказы и очерки Н. С. Лескова, с. 380).

²⁹ Ibidem, с. 418.

³⁰ ГОРЯЧКИНА, М.: Сатира Лескова, с. 155.

³¹ ЛИХАЧЕВ, Д.: Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова, с. 14.

³² ФЕДЬ, Н.: Художественные открытия Лескова. In: Лесков и русская литература. Москва: Наука, 1988, с. 34.

³³ СЕМЕНОВ, В.: Николай Лесков. Время и книги. Москва: Современник, 1981, с. 4.

³⁴ СТОЛЯРОВА, И.: В поисках идеала (творчество Н. С. Лескова). Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978, с. 6.

³⁵ ТРОИЦКИЙ, В.: Лесков-художник. Москва: Наука, 1974, с. 114.

³⁶ Ibidem, с. 128.

нарратив как не менее важный критерий оценки лесковской художественной формы: «...мы должны иметь в виду под формой прежде всего не жанр, а присущий тому или иному жанру свой характер повествования; у Лескова форма повествования всегда была глубоко обусловлена художественным принципом подачи действительности „через призму“ рассказчика. Об этой зависимости, определяющей специфику повествования, — подчеркивает Троицкий, — у Гроссмана ничего не сказано»³⁷.

Особое место в исследовании вопроса о лесковских жанрах занимает книга продолжателя концепции Б. Эйхенбаума Ж.-К. Маркадэ *«Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники»* (1987/2006), где автор, акцентируя «коренные преобразования формы, осуществленные Лесковым», подчеркивает, что писатель «озадачивает и непривычностью жанров», делая вывод о том, что «лучшим методом выявления абсолютной самобытности Лескова мог бы стать жанровый подход к его творчеству, поскольку именно в размышлениях о жанрах, в выборе того или иного жанра, в создании доселе неизвестных жанров Лесков утвердился как мастер русской прозы»³⁸.

Жанр романа как определенную мерку Маркадэ экстраполирует на многие тексты Лескова, утверждая, что этому формату, по существу, соответствуют всего пять из огромного числа его текстов (сюда не вошли не замеченные ученым *«Печерские антики»*). Маркадэ принадлежит интересная мысль о том, что традиция русского романа была тем контекстом, который автор в своем творчестве учитывал, но пытался преодолеть: *«Лесков на протяжении всей жизни постоянно обращался к жанру романа (в том виде, в каком этот жанр сформировался в его время, в соответствии с царившими тогда в литературе установками), писателя всегда стесняла эта форма повествования, и он не переставал искать новых путей, которые более точно соответствовали бы его замыслу — воспроизвести „длинную историю так, как ее рассказывают“»*³⁹.

Итак, перейдем непосредственно к нашему вопросу об определении жанра собственно *«Печерских антиков»*. В лесковедении можно обнаружить целый ряд подобных попыток: *«цепь анекдотов»* (Н. Михайловский⁴⁰); *«собрание анекдотов, цепляющихся друг за друга»* (Б. Эйхенбаум, который считал анекдот *«своего рода атомом в природе лесковского творчества»*⁴¹);

³⁷ Ibidem, с. 173.

³⁸ МАРКАДЭ, Ж.-К.: *Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники*, с. 13–14.

³⁹ Ibidem, с. 179.

⁴⁰ МИХАЙЛОВСКИЙ, Н.: *Отклики*. Санкт-Петербург: Издание редакции журнала «Русское богатство», 1904, т. 2, с. 115.

⁴¹ ЭЙХЕНБАУМ, Б.: *«Чрезмерный» писатель: (К 100-летию рождения Н. Лескова)*, с. 339.

«серия» (А. Белецкий⁴²); «цикл очерков» (И. Видуэцкая⁴³); «цикл художественных очерков» (О. Крюкова⁴⁴); «мемуарная повесть» (Л. Левандовский⁴⁵, Г. Соболевская⁴⁶, А. Федотова⁴⁷); «собрание киевских курьезов и преданий» (Л. Аннинский⁴⁸); «зарисовки, которые в жанровом отношении напоминают очерки, мемуары, анекдоты, житейские истории, заметки, публиковавшиеся в прессе» (Е. Харитоненко⁴⁹). Таким образом, как видим, не снят вопрос о том жанровом формате, который мог бы включить в себя все вышеизложенные рецептивные впечатления исследователей.

Любая жанровая форма только со временем способна приобрести черты определенности — часто произведения, в генологическом смысле новаторские, и провоцируют затруднения в их жанровом определении, что не раз случалось в истории искусств. Однако форма любого текста в своей целостности все же реализуется именно через жанр, отсюда, определение жанрового ключа становится рецептивным обобщением формы, способствуя тождественному выявлению ресурсов текста.

Со времен Аристотеля производство надежных критериев классификации жанров, поиск подобной «непротиворечивой классификации» не успевают за самим литературным процессом, иногда и попросту не своевременны. Закономерно, что ближе к нашему времени вопрос обострился в кругу Ж. Женетта, и, наконец, Ж.-М. Шеффер (один из его учеников) в 1989 г. разворачивает удобную и убедительную аргументацию в пользу так называемой «множественности жанровой логики» (со сводной таблицей категорий, актуальных для жанровых дефиниций), хотя и в этом случае вопрос не исчерпан.

⁴² БИЛЕЦКИЙ, О.: *Образы Киева в художній літературі*. In: Білецький, О.: *Зібрання праць*. У 5 т. Т. 4: Російська література та російсько-українські літературні зв'язки. Київ: Наукова думка, 1966, с. 556.

⁴³ ВИДУЭЦКАЯ, И.: *Лесков и Салтыков-Шедрин. Некоторые общие черты концепции русской жизни*. In: *Творчество Н. С. Лескова*. Межвузовский сборник научных трудов. Курск: КГПИ, 1988, с. 116.

⁴⁴ КРЮКОВА, О.: *Украинская тематика в творчестве Н. С. Лескова, В. Г. Короленко, А. И. Куприна*. In: *Россия: тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 11. Ч. 3. Москва: ИНИОН РАН, с. 661.

⁴⁵ ЛЕВАНДОВСЬКИЙ, Л.: *М. С. Лесков і українська література*. Київ: Дніпро, 1980, с. 99.

⁴⁶ СОБОВЕВСЬКА, Г.: *Українська тема в мемуаристичних повістях М. С. Лескова 1870–1880 рр.* In: *Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство*. 2013, № 13, с. 100.

⁴⁷ ФЕДОТОВА, А.: *Рецептивные стратегии в прозе Н. С. Лескова*. Диссертация доктора наук. Ярославль, 2018, с. 149.

⁴⁸ АННИНСКИЙ, Л.: *Лесковское ожерелье*. Санкт-Петербург: Библиополис, 2012, с. 346.

⁴⁹ ХАРИТОНЕНКО, О.: *Рецепція журналістики в літературі (на матеріалі «Щоденника» Т. Шевченка і «Печерських антиків» М. Лескова)*. In: *Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур*. 2014, вип. 26, с. 232.

Стоит напомнить, что еще Б. Ярхо (в статье 1935 г.) в контексте школы формального метода определил жанр как «более или менее ограниченный комплекс форм», обобщенный определенными «общими признаками». Важно, что ученый еще тогда фактически прочувствовал проблему внутритекстовых инстанций⁵⁰, подчеркивая факт сосуществования форм в определенном тексте, отличающим его от всех прочих⁵¹. По его убеждению, на подобные ситуации следует обращать внимание, в частности, при изучении жанров, школ, эпох и т. п. Высказанная здесь Б. Ярхо максима приобретает сегодня методологическое значение: «Соотношения суть такие же признаки комплекса, как и формы». Вполне логично отсюда активизируется и вопрос о первичности или вторичности собственно жанра по отношению к художественной целостности — вопрос периодически мерцает на маргиналах генологичного дискурса: первичность, конечно, будут отстаивать герменевтики, тогда как сторонники рецептивной концепции подчеркнут вторичность жанрового канона.

Вторую позицию ярко иллюстрирует статья Ю. Шевелева о поэзии Т. Шевченко (1962), где речь шла о «семантических нюансах» жанров в творчестве поэта и говорилось об опыте особого поэтического жанра с «лирическими, философскими медитациями и сатирой с элементами инвективы», который был способен проявлять себя «через различные варианты и вариации». Немаловажно, что Шевелев в данном случае берет в качестве жанрового критерия «аспект пространства и времени», подчеркивая, в частности, что «сочетание образов и мотивов и аллюзивного поля этих образов [...] уничтожает границу между лирической и эпической поэзией»⁵².

Таким образом, на сегодня важно учитывать следующее: жанровые эксперименты, зафиксированные в русле современной генологии, очень сложно понять целостно на фоне повсеместного экспериментирования художников с формой, речь уже идет о своеобразной «дефетишизации» жанровой формы.

⁵⁰ Едва ли не первой в филологических науках именно нарратология наделила понятие «инстанция» терминологическим статусом, логично стратифицируя формы повествования в литературном тексте. Несомненно, иерархическая специфика взаимодействия повествовательных наслоений (инстанций) конкретного текста вполне способна стать и отдельным индикатором его жанровой композиции.

⁵¹ ЯРХО, Б.: *Соотношение форм в русской частушке*. In: *Проблемы теории стиха*. Ленинград: Наука, 1984, с. 139.

⁵² ШЕВЕЛЬОВ, Ю.: *1860 рік у творчості Тараса Шевченка*. In: Шевельов, Ю.: *Вибрані праці*. У 2 кн. Кн. II. Літературознавство. Упоряд. І. Дзюба. Київ: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2008, с. 58–84.

Что касается нашего вопроса, то закономерны рассуждения о специфике формирования так называемого полиморфного русского романа, об «автохтонных и иностранных корнях романного жанра в России», а также представления о подобном жанре как «оригинальном синтезе восточнославянских, византийских и западноевропейских моделей», высказанные чешским русистом Иво Поспишиллом (еще на XII Международном конгрессе славистов (Краков, 1998), который предложил интересную модель эволюции данного жанра: «Первым жанровым и стилистическим синтезом является „Житие протопопа Аввакума“; позже в литературе XVIII века после имитаций жанра в творчестве Ф. Зимины и Н. Зимины новый синтез и стремление к цельности, к тотальной структуре представляют собой „Письма русского путешественника“ Н. Карамзина. Роман в России ощущается как нечто странное и неестественное (в силу незаконченного процесса секуляризации), как жанр, нуждающийся в особой трансформации: А. С. Пушкин пишет парадоксальный „роман в стихах“, М. Ю. Лермонтов образует роман из цикла новелл, Ф. В. Булгарин стремится к синтезу дидактической нравственности, сатиры и плутовского романа, Н. В. Гоголь связывает воедино эпический и лирический жанр и свое произведение („Мертвые души“) называет „поэмой“ (лирические отступления), Л. Н. Толстой ищет ядро истории в жизненных мелочах с огромным потенциальным значением, Ф. М. Достоевский ориентируется на полиморфный роман космического размера»⁵³.

Таким образом, для теории наметилась возможность исследовать чрезвычайно интересный, практически лабораторный пример — и, заранее скажем, что произведение Лескова «Печерские антики» мы связываем именно с этим вопросом, вписывая данный текст в конкретный формат лирического литературного рода.

Специфика лирики выразительно проявляется в контексте других родовых форм — например, по справедливому замечанию В. Смилянской, «в лиро-эпосе (поэмах и балладах) мы можем наблюдать лирические субъекты как таковые в лирических отступлениях, а фабула (в ее широком понимании как событийный ряд сюжета) заключает подобные эпические субъекты на уровне рассказчика (сопоставим с автором) и повествователя (иной, чем поэт, человек)»⁵⁴. Фактически, здесь, как раз, речь идет о повествовательных инстанциях относительно специфического жанрового формата.

⁵³ ПОСПИШИЛ, И.: Феномен русского романа. Истоки, эволюции, поэтика. In: XII Międzynarodowy Kongres Słowistów (Kraków 27. VIII – 2. IX. 1998): streszczenia referatów i komunikatów. [T. 2]: Literaturoznawstwo, folklorystyka, nauka o kulturze. Kraków: Energeia, 1998, s. 70.

⁵⁴ СМІЛЯНЬСЬКА, В.: «Автор» у новій українській поезії дошевиченкової доби. In: Поетика. Відп. ред. В. С. Брюховецький. Київ: Наукова думка, 1992, с. 68.

Повествовательные инстанции, упорядочивая определенную нарративную модель, аргументируют и жанровый характер текста — подобная ситуация определяет и лиризм *«Печерских антиков»* Н. Лескова.

Текст Лескова интересно рассмотреть в парадигме «русского лирического романа» — жанровой формы, восходящей к опыту А. С. Пушкина. Вчитываясь в стихи *«Посвящения»* к *«Евгению Онегину»*, мы обнаружим ту самую жанровую «матрицу», которая фактически шаг за шагом совпадает с *«Печерскими антиками»*:

*... Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессониц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.*

Таким образом, важным рецептивным ключом выступает не только связь произведения Лескова с гоголевской традицией (как отмечалось выше), но и жанровый формат пушкинского *«Евгения Онегина»*, что до сих пор ускользало от внимания исследователей. Взятый нами пример подтверждает метаморфизм, как жанровую приметку именно лирического романа (реализовавшего себя также в произведении В. Набокова *«Дар»* и в *«Поэме без героя»* А. Ахматовой — продуктивность творческого подхода к традиционным установкам подтверждается этими лучшими образцами жанрового метаморфизма русского лирического романа⁵⁵). Идея преемственности жанровой традиции на примере метаморфизма жанровой формы в свой черед отрицает понимание романа как устойчивой жанровой матрицы.

Одним из первых о «метаморфизме» заговорил В. Топоров в связи с перечтением классического текста Н. Карамзина *«Бедная Лиза»*, определяя эту актуальную научную парадигму как *«цепь зависимостей, в которой причина всегда есть и следствие, а следствие — всегда и причина, причем конкретная идентификация причин и следствий не только возможна лишь при временных сдвигах, но и является функцией самого времени, сознающего»*

⁵⁵ ЧЕРВИНСКАЯ, О.: *Пушкин, Набоков, Ахматова: метаморфизм русского лирического романа*. Черновцы: Рута, 1999.

себя через анализ исследователя или рецепцию читателя»⁵⁶. Таким образом, понятие «метаморфизм» уже включено в литературоведческий текст.

Однако функциональный смысл обозначаемого Топоровым понятия «метаморфизм» в нашем контексте понимается как явление иного порядка. Во-первых, он эксплуатируется именно в значении не столько рецептивного, сколько продуктивного процесса трансформации какого-либо текста. В нашем понимании «метаморфизм» связан с производством жанровой формы, это именно «жанровый метаморфизм», без которого немислимо было бы историческое бытие культуры.

Во-вторых, под «метаморфизмом» понимаются также определенные, связанные с конечной рецептивной реакцией на текст стилистические доминанты нарратива, которые характеризуют текст именно как лирический, когда имплицитность (читательская «встроенность» в текст) не только желательна, но и обязательна в силу родовой природы лирики, ориентированной на суггестию и интуицию. По воле автора утаенное от читателя решающее лирическое событие текста имеет почти всегда возможность реализоваться в виде рецептивной догадки, соответствующей сказанному.

Текст Лескова «Печерские антики» предстает лирической формой эпоса, или, наоборот, — эпической формой собственно лирического рода, что изначально радикальным образом направляет его рецепцию: в нашем восприятии все может измениться в зависимости позиции наблюдения. Так называемый «горизонт ожидания» лирического текста и эпики представляет собой принципиально две разные вещи, ибо лирический текст приковывает нас к личности Автора, т. е., безусловно, в самой значительной степени подчиняет нас его образу и его воле, буквально понуждая вступать в диалог именно с ним, в то время как эпика дает нам право диалогизировать в первую очередь с персонажами, предоставляя возможность в пределах текста переживать ощущение полной свободы, хотя эта свобода, в отличие от лирического произведения, является в полной мере мнимой величиной, ибо эпический текст характерен своей чрезвычайной (порой навязчивой) насыщенностью всевозможных подробностей, роль которых в лирическом тексте, напротив, заменяется суггестией метра, многозначностью тропа, неуловимой семантикой стилистических фигур и, разумеется, пафосом.

В русской литературе послелесковского периода мы обнаружим, что своим лирическим романом «Дар» предметно явил нам безукоризненный образец метаморфизма лирической формы В. Набоков, его текст продемонстрировал

⁵⁶ ТОПОРОВ, В.: «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. Москва: РГГУ, 1995, с. 25–26.

мимикрию лирики в чуждых ей эпических параметрах. Одновременно и с убедительной виртуозностью роман данного писателя продемонстрировал также все преимущества предрасположенного к полифонии (концепция И. Поспишила) жанра русского лирического романа, отсюда — неисчерпаемые рецептивные потенции романного письма.

Однако это же мы видим значительно раньше именно у Н. Лескова, плодотворно воспринявшего природу пушкинской полисемантической стихии текста. Открытая Пушкиным жанровая продуктивность принимающей вид эпоса лирики наглядно подтверждается опытом Лескова, и только за ним — Набокова. Несомненно, текст Лескова может быть прочитан как весьма специфическая жанровая форма в формате «русского лирического романа», а не «повесть», «цикл» и пр. по определению.

На первый взгляд, в отличие от классических форм романа, где композиционной скрепой выступает персонификация и целостная сюжетная канва, данный роман Лескова выглядит галереей связанных общим топосом эпизодов и, только отсюда, собранием разнообразных персонажей. Киев как обобщающий топос и, особо, Киевский цепной мост являются, по нашему убеждению, именно тем жанрообразующим стержнем, который обеспечивает целостность лирического повествования.

Мост, соединяющий берега⁵⁷, выступает символическим центром разрозненных сюжетных «историй», в день открытия (кульминационный момент всех событий текста) он «собирает» на Печерском берегу представителей всех слоев тогдашнего киевского мира. Почти все персонажи *«Печерских антиков»* собраны в один узел именно событием торжественного открытия моста в присутствии самого императора. Исключение в этой галерее, пожалуй, составляет одновременно разгульный и добрейший поп Юхвим, играющий важную роль антипода по отношению к идеологически значимой стержневой фигуре — старообрядческому старцу-аскету Малахии. Как звучит в тексте: *«Сей же именем Малахия, старец, прибывший в Киев для совершения тайных треб у староверов, которые пришли строить каменный мост с англичанином Виньёлем. Старец Малахия, в просторечии Малафей Пимыч, был привезен своими единоверцами „из неведомого ключа“ и „сокрыт“ в шияновских закоулках „под тайностроение“. Все это в надежде на Кесаря — ибо*

⁵⁷ Имеется в виду на сегодня не существующий уже Каменный Николаевский Цепной мост через Днепр, строившийся в 1843–1853 гг. под руководством английского инженера путей сообщения Чарльза-Блэка Виньёля, (1793–1875). Действие *«Запечатленного ангела»* также происходит в Киеве в среде старообрядцев-каменщиков, строивших в 1848–1853 годах под руководством англичан каменный цепной мост.

имя его громко звучало по простолюдью дальше Орла и Калуги. При старце был отрок лет двадцати трех, которого звали Гиезий»⁵⁸.

Ключевым моментом рецепции является уяснение значимости противопоставлений — в первую очередь, речь идет о вероисповедании (и не только). Так, старообрядческий старец Малахия противопоставляется православному попу Юхвиму, под конец мы узнаем и об отклонении от «пути праведного» малахиевого келейника Гиезия. Строители-старообрядцы, духовно окормляемые своим старцем, ждут преодоления раскола — соединения в служении: *«Малахия было видение, мечта, фантазия, назовите как хотите, что государь станет среди моста „лицом против крещебной струи“ и перед всеми людьми перекрестится древлим двуперстием»⁵⁹*. Напряжённое ожидание царского появления на мосту и крестильного «жеста» для Малахии заканчивается страшным разочарованием, чем-то вроде апоплексии, символической смертью.

Как и полагается тому быть в лирическом романе, рассмотренный пример явственно свидетельствует об организованной единым киевским пространством системной центростремительности разнообразных и пестрых образов, а никак не стихийной, фрагментарной произвольности рассказанных в этом оригинальном тексте историй.

Литература

- АВДЕЕВА, Н.: *Поэтика «малых» жанровых форм в творчестве Н. С. Лескова*. Диссертация кандидата наук. Воронеж, 2004.
- АННИНСКИЙ, Л.: *Лесковское ожерелье*. Санкт-Петербург: Библиополис, 2012.
- БЕЛЕЦКИЙ, А.: *Рассказы и очерки Н. С. Лескова*. In: Білецький, О.: *Зібрання праць*. У 5 т. Т. 4: Російська література та російсько-українські літературні зв'язки. Київ: Наукова думка, 1966, с. 376–419.
- БІЛЕЦЬКИЙ, О.: *Образи Києва в художній літературі*. In: Білецький, О.: *Зібрання праць*. У 5 т. Т. 4: Російська література та російсько-українські літературні зв'язки. Київ: Наукова думка, 1966, с. 539–572.
- БУХШТАБ, Б.: *Комментарии: Н. С. Лесков. Печерские антики*. In: Лесков, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957, т. 7, с. 521–538.

⁵⁸ ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957, т. 7, с. 164.

⁵⁹ Ibidem, с. 194.

- ВИДУЭЦКАЯ, И.: *Лесков и Салтыков-Щедрин. Некоторые общие черты концепции русской жизни*. In: *Творчество Н. С. Лескова*. Межвузовский сборник научных трудов. Курск: КГПИ, 1988, с. 115–123.
- ГОРЯЧКИНА, М.: *Сатира Лескова*. Москва: Изд-во АН СССР, 1963.
- ГРОССМАН, Л.: *Николай Семенович Лесков*. Москва: Знание, 1956.
- ЖИРУНОВ, П.: *Жанр рассказа в творчестве Н. С. Лескова 80–90-х годов XIX века*. Диссертация кандидата наук. Волгоград, 2004.
- ЖИТЕЦЬКИЙ, І.: *Листування М. С. Лескова з професором П. О. Терновським*. In: *Україна*. 1927, кн. 1–2, с. 182–193.
- КРЮКОВА, О.: *Украинская тематика в творчестве Н. С. Лескова, В. Г. Короленко, А. И. Куприна*. In: *Россия: тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 11. Ч. 3. Москва: ИНИОН РАН, 2016, с. 660–667.
- ЛЕВАНДОВСЬКИЙ, Л.: *М. С. Лесков і українська література*. Київ: Дніпро, 1980.
- ЛЕОНОВА, Б.: *Жанр мемуарного очерка в творчестве Н. С. Лескова 1880-х годов*. Диссертация кандидата наук. Орел, 2003.
- ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957, т. 7.
- ЛЕСКОВ, Н.: *Собрание сочинений*. В 11 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958, т. 10.
- ЛИХАЧЕВ, Д.: *Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова*. In: *Лесков и русская литература*. Москва: Наука, 1988, с. 12–21.
- МАРКАДЭ, Ж.-К.: *Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники*. Перевод с французского А. Поповой, Е. Березиной, Л. Ефимова, М. Сальман. Санкт-Петербург: Академический проект, 2006.
- МИХАЙЛОВСКИЙ, Н.: *Отклики*. Санкт-Петербург: Издание редакции журнала «Русское богатство», 1904, т. 2.
- ПОЗДИНА, И.: *Жанровая специфика прозы Н. С. Лескова 1860-х годов*. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2011.
- ПОСПИШИЛ, И.: *Феномен русского романа. Истоки, эволюции, поэтика*. In: *XII Międzynarodowy Kongres Slawistów* (Kraków 27. VIII – 2. IX. 1998): *streszczenia referatów i komunikatów*. [Т. 2]: *Literaturoznawstwo, folklorystyka, nauka o kulturze*. Kraków: Energeia, 1998.
- САВЕЛОВА, Л.: *Специфика жанровой структуры повестей Н. С. Лескова 1860–1890-х годов*. Диссертация кандидата наук. Ставрополь, 2005.
- СЕМЕНОВ, В.: *Николай Лесков. Время и книги*. Москва: Современник, 1981.
- СМІЛЯНСЬКА, В.: *«Автор» у новій українській поезії дошевченкової доби*. In: *Поетика*. Відп. ред. В. С. Брюховецький. Київ: Наукова думка, 1992, с. 68–75.

- СОБОЛЕВСЬКА, Г.: *Українська тема в мемуаристичних повістях М. С. Лескова 1870–1880 рр.* In: *Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство*. 2013, № 13, с. 98–102.
- СТОЛЯРОВА, И.: *В поисках идеала (творчество Н. С. Лескова)*. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
- ТОПОРОВ, В.: «Бедная Лиза» Карамзина. *Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет*. Москва: РГГУ, 1995.
- ТРОИЦКИЙ, В.: *Лесков-художник*. Москва: Наука, 1974.
- ФЕДОТОВА, А.: *Рецептивные стратегии в прозе Н. С. Лескова*. Диссертация доктора наук. Ярославль, 2018.
- ФЕДЬ, Н.: *Художественные открытия Лескова*. In: *Лесков и русская литература*. Москва: Наука, 1988, с. 21–38.
- ХАРИТОНЕНКО, О.: *Рецепція журналістики в літературі (на матеріалі «Щоденника» Т. Шевченка і «Печерських антиків» М. Лескова)*. In: *Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур*. 2014, вип. 26, с. 227–235.
- ЧЕРВИНСКАЯ, О.: *Пушкин, Набоков, Ахматова: метаморфизм русского лирического романа*. Черновцы: Рута, 1999.
- ШЕВЕЛЬОВ, Ю.: *1860 рік у творчості Тараса Шевченка*. In: *Шевельов, Ю.: Вибрані праці*. У 2 кн. Кн. II. Літературознавство. Упоряд. І. Дзюба. Київ: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2008, с. 58–84.
- ЭЙХЕНБАУМ, Б.: «Чрезмерный» писатель: (К 100-летию рождения Н. Лескова). In: *Эйхенбаум, Б.: О прозе*. Ленинград: Худож. лит., 1969, с. 327–345.
- ЭЙХЕНБАУМ, Б.: *Лесков и современная проза*. In: *Эйхенбаум, Б.: О литературе*. Москва: Советский писатель, 1987, с. 409–424.
- ЭЙХЕНБАУМ, Б.: *Н. С. Лесков (К 50-летию со дня смерти)*. In: *Эйхенбаум, Б.: О прозе*. Ленинград: Худож. лит., 1969, с. 346–356.
- ЯРХО, Б.: *Соотношение форм в русской частушке*. In: *Проблемы теории стиха*. Ленинград: Наука, 1984, с. 137–167.
- LISTWAN, F.: *Sztuka pisarska Mikolaja Leskowa*. Kraków: Wydawnictwo naukowe WSP, 1988.

Контакт

prof. PhD Olha Chervinska, DrSc.

The Department of World Literature, Theory of Literature and Slavic Philology,
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

o.chervinska@chnu.edu.ua

Roman Dzyk, Dr.

The Department of World Literature, Theory of Literature and Slavic Philology,
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
r.dzyk@chnu.edu.ua